

## ОБЪЕКТИВНОСТЬ КАК НАУЧНАЯ ЦЕННОСТЬ И ДОБРОДЕТЕЛЬ: УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ

*Шиповалова Лада Владимировна\**

Кафедра философии науки и техники Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург 199034, Россия

*Электронный адрес:* ladaship@gmail.com

Статья подана 15.11.2014

**Аннотация** — В статье рассматривается проблема влияния ценностей на научное исследование. Тезис состоит в том, что наука по определению должна быть связана с ценностями и добродетелями. То есть можно говорить о собственных научных ценностях и добродетелях. Этот тезис представляет собой одну из важнейших проблем понимания феномена науки в современности, которая связана с двумя соображениями. Если тезис признается, то научное знание ставится перед опасностью субъективизма. Если этот тезис подвергается критике — мы оказываемся лицом к лицу с подозрительной ценностной нейтральностью науки. Как возможен путь «между»? Этот путь является раскрытием такого понятия науки, в котором органично сочетаются две стороны. Во-первых, понимание ее как деятельности, имеющей целью знание всеобщее и необходимое. Во-вторых, признание того, что в науке необходимо присутствует добродетель. В таком понятии присутствует объективность в качестве критерия научности, который и определяет научное знание как всеобщее и необходимое, а также в качестве научной добродетели, определяясь как преодоление субъективности. Проясняется необходимая взаимосвязь этих двух смыслов объективности, тем самым достигается обоснование объективности как собственной научной ценности и добродетели.

**Ключевые слова:** объективность, наука, ценность, добродетель.

Статья подготовлена в рамках гранта РФНФ № 12-03-00560

---

\* © Шиповалова Л. В. — кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники, Санкт-Петербургский государственный университет.

## OBJECTIVITY AS THE SCIENTIFIC VALUE AND VIRTUE: CONDITIONS OF POSSIBILITY

*Shipovalova Lada Vladimirovna\**

Department of Philosophy of Science and Technology, St. Petersburg  
State University, Mendeleevskaya Liniya 5, St. Petersburg, 199034  
Russian Federation

*e-mail:* ladaship@gmail.com

Received November 15, 2014

**Abstract** — This article discusses the problem of the influence of values on scientific research. The thesis of the article is that science, by definition, must be associated with the values and virtues. In other words — we can talk about own scientific values and virtues. This thesis is one of the most important problems of understanding the phenomenon of science in modern times. This problem is related to two considerations. If the thesis is recognized, scientific knowledge would put in danger of subjectivism. If this thesis is criticized — we would find ourselves face to face with a suspicious value-neutrality. How is the way «between» possible? This way is the revelation of such concept of science, in which we can find the organic combination of the two sides. The first — understanding of science as activities aimed at universal and necessary knowledge. The second — recognition that virtues have to be presented in science. In this concept of science, *objectivity* must be present as a criterion of science, which determines the scientific knowledge as universal and necessary and also as a scientific virtue, which is defined as the overcoming of subjectivity. I argue necessary relationship of this two senses of objectivity, thereby obtains justification objectivity as the scientific value and virtue.

**Key words:** objectivity, science, value, virtue.

The paper was funded by RSFH grant № 12-03-00560

---

\* © *Shipovalova L. V.* — PhD, Docent, Department of Philosophy of Science and Technology, St. Petersburg State University.

**М**отивом текста является удивление тезису о том, что научные практики в современности испытывают влияние со стороны этической и политической сфер. Это удивление есть не скепсис, но философский жест, предлагающий увидеть противоречивость и глубину данного тезиса. Можно его конкретизировать, обнаружив стоящую за ним проблему отношения ценностных ориентиров и научного исследования. Такая конкретизация допустима, поскольку как в соответствующих исследованиях в области регулятивной эпистемологии (Roberts, Wood 2007), так и в современной философии науки (Lacey 1999) именно это присутствие ценностных ориентиров в исследовании феномена науки определяется качестве необходимого и проблематичного.

Итак, вопрос состоит в том, может ли что-то *определять извне* науку как автономную деятельность и как следует понимать взаимодействие науки и ценностных ориентиров?

Для начала необходимо оговориться, что вопрос о ценностях в их отношении к науке далеко не нов. Он возникает в неокантианстве, где отнесение к ценности является необходимым условием объективности суждений в науках о культуре, что и обеспечивает их научность. Объективность при этом может быть определена как некоторая мета-ценность, служащая основанием всеобщности. Также современные исследователи обращают внимание на то, что тезис о ценностной нейтральности науки возник в определенный исторический период (еще в XVIII в.), и был связан с проблемой гетерономии науки, подчинения ее политическим и экономическим интересам (Proctor 1991). То есть как определение необходимого присутствия ценностей в науке, так и критика ее ценностной ангажированности имеют конкретные условия.

Эти два контекста задают два вида ценностей, отношение которых к научной деятельности различно. Их можно определить как *контекстуальные* и *конститутивные* (Longino 1990: 220). Первые (социальные, моральные, политические) «извне» определяют выбор, который делает ученый в отношении оснований своего исследования. Вторые (когнитивные) сравнимы с тем, что может быть названо скорее критериями научности (истинность, точность, надежность, доказательность и т. п.), а к ценностям может быть отнесено только «по имени» (Агацци 2009: 94). Присутствующие в науке ценности следует называть критериями научности, а то, что является ценностью по сущности, не включено в научное исследование. Вопрос об отношении ценностей к автономной научной деятельности остается.

Актуальность вопроса можно прояснить, обратив внимание на популярную в современной эпистемологии критику идеи ценностной нейтральности науки. Эта идея подозрительна, во-первых, потому, что претендует на абсолютность, тогда как в действительности относительна конкретной задаче и историческому периоду. Во-вторых, потому, что настаивание на нейтральности чаще всего скрывает ангажированность<sup>1</sup>. В-третьих, потому, что наука по определению не может не быть связанной с ценностями и добродетелями. Иначе говоря, способ бытия науки таков, что включает в себя с необходимостью стремление к ценностям или добродетельное поведение<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Такая критика звучит со стороны так называемой феминистской эпистемологии (Harding 1995).

<sup>2</sup> При том, что различие между ценностями и добродетелями имеет большое значение в этике, мы не будем его проводить в данном контексте. В отношении исследований науки эти два термина оказываются очень близкими. В англоязычной традиции в последние двадцать лет популярно новое направление эпистемологии — эпистемология добродетели, предполагающее исследование эпистемических добродетелей (Virtue Epistemology 2012). В отечественной традиции принято говорить о ценностях науки, к которым относятся истина и новизна, а истинность связывается со стремлением

Представляется, что третий случай снимает абстрактное противопоставление двух видов ценностей, которое было сформулировано выше, и, тем самым, отвечает на вопрос о возможном взаимодействии автономного научного исследования и ценностных ориентиров.

Идея о *сущностной связи ценностей и науки* — одна из важнейших проблем философии науки сегодня, и связано это с двумя соображениями. Если данный тезис признается, то научное знание ставится перед опасностью субъективизма, поскольку через ценности и добродетели в научное знание входит человек в его многообразной социально-исторической определенности, и чистота «третьего мира» объективированного научного знания становится жертвой вторжения «мира второго» (К. Поппер). Если настоящий тезис подвергается критике, мы впадаем в крайность объективизма и оказываемся лицом к лицу с подозрительной ценностной нейтральностью. Как возможен путь «между»? Путь, который, с одной стороны, позволит признать ценностное измерение в науке и, с другой стороны, не допустит в науку субъективизм<sup>3</sup>.

Этот путь является раскрытием такого понятия науки, в котором органично сочетаются, во-первых, понимание ее как деятельности, имеющей целью знание всеобщее и необходимое. Во-вторых, признание того, что в ней необходимо присутствуют *добродетель* как «склад души, который

---

к объективности (Степин 2008). Л. Дэстон, и П. Галисон, представители современной исторической эпистемологии, используют для объективности имена эпистемической ценности или добродетели. Первое — когда делается акцент на цели научной деятельности, ее регулятивном идеале. Второе — когда описываются конкретные практики преследования объективности. В обоих случаях предмет исследования включает нормы и стремление к ним, которое присуще научной деятельности. Для нас принципиально то, что определение научной ценности или добродетели связывает ее с субъектом.

<sup>3</sup> Под субъективизмом мы будем понимать настаивание на значении частных, партикулярных суждений, на отсутствии необходимости поиска знания как всеобщего и необходимого.

заслуживает похвалы», которая «доводит до совершенства то, добродетелью чего она является, и придает совершенство выполняемому им делу» (Аристотель 1983: 1103a10, 1106a16–17), и *ценность* — то, что делает деятельность и ее результаты благом.

Думаем, что понятие объективности позволяет помыслить науку в такой полноте. С одной стороны, в качестве критерия научности в ней необходимо имеет место *объективность*, которая определяет знание как всеобщее и необходимое. С другой стороны, *объективность* присутствует и в качестве научной добродетели или ценности, которая формирует научного субъекта, определяет значимые элементы его деятельности. Здесь имеются в виду не два различных смысла науки, определяемые различными контекстами исследования, но, напротив, полное понятие науки и соответственно полное понятие научной объективности.

Как возможно такое полное понятие научной объективности? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, остановимся на том, как понимается объективность в современной исторической эпистемологии и в трансцендентализме Канта.

Опишем первоначально ситуацию в современной эпистемологии. Труды Л. Дэстон, некоторые из которых написаны в соавторстве с П. Галисоном, посвящены по преимуществу исследованию объективности как ценности и добродетели ученого. Авторы отдают себе отчет в том, что видение объективности в свете морали создает немалые проблемы для эпистемолога.<sup>4</sup> Несмотря на то, что объективность, по-видимому, должна освобождать науку от морали, она сама объявляется ценностью и добродетелью и утверждается в таком статусе как необходимым.

Сущность научной объективности, которая может быть обнаружена в любом ее историческом образе, определяется противоположением субъективности и негативным характером ее формирования: «Объективность связана с субъек-

---

<sup>4</sup> Об этом они пишут в своей программной статье на эту тему, последний раздел которой не случайно назван «Objectivity Moralized» (Daston, Galison 1992)

тивностью как воск с печатью», а история различных форм объективности должна быть рассмотрена в связи с пояснением вопроса о том, как становится нежелательной та или иная форма субъективности и каким образом она преодолевается.

Определяя научную объективность в качестве добродетели, Л. Дэстон и П. Галисон вкладывают в это понятие вполне определенный смысл — содержательное должностное, которое задает существо научных практик, способы формирования себя в качестве научного субъекта. Вопрос о том, как делать науку, по сути, определяется вопросом о *том, что значит быть ученым*, и объективность отвечает на этот вопрос. Стремление к объективности не критерий научности, не общее этическое требование и не профессиональная характеристика (к которым относятся техническое мастерство экспериментатора, внимательность наблюдателя, критичность и т. п.). Объективность в их текстах — это своего рода внутренний закон научного субъекта.

Пафос исторически первого вида научной объективности, возникающей в первой половине XIX в. (механической объективности) может быть выражен фразой: «Позвольте природе говорить самой!». Задача научного субъекта при этом — преодоление всякого «подозрительного посредничества» человека между природой и ее репрезентациями (Daston, Galison 1992: 81). Эта объективность требует редукции определенных особенностей субъекта. Ее императивы: уничтожение присутствия себя как наблюдателя, свидетеля, требование свободы от волеизъявления, от ангажированности теоретическими предпочтениями.

Любопытно, и это отмечает Л. Дэстон, что посредничество человека приносится в жертву посредничеству технических устройств, которые, несомненно, более точны в своих прогнозах и фиксации положения дел. Однако механизмы, поскольку они созданы человеком, не только «нагружены» определенными, ограниченными возможностями «видения» научных объектов, но и требуют знаний и обучения для расшифровки этих «видений». Использование фотоаппарата при составлении ботанических атласов и приборов самописцев

при определении диагноза заболевания, как свидетельства присутствия ценности механической объективности, связаны не только и не столько с определенным уровнем развития техники. Они могут быть объяснены также стремлением максимально очистить предмет от тех субъективных элементов, которые неизбежно привносит исследователь, делающий от руки зарисовку в альбоме, оценивающий в привычных терминах характер пульса, интерпретирующий распознаваемые опытным, но индивидуальным взглядом видимые симптомы заболевания.

В другой работе Л. Дэстон противопоставляет механическую объективность «бессловесной» науки физиологов объективности коммуитарной, присутствующей в качестве ценности в «многословной» науке, образцовым примером которой оказывается ботаника. «Механическая объективность выступала против такой субъективности, которая проявляется в проецировании содержания человеческого разума на природу <...> Коммуитарная же объективность была направлена против такой субъективности, которая свойственна уникальному, и против узости взгляда и самозамкнутости как отдельных лиц, так и исследовательских коллективов» (Дэстон 2007: 41–42). Первая отражала необходимость ограничения искажающего воздействия на предмет исследования субъекта восприятия или, скажем точнее, необходимое желание предоставить *слово самим вещам*. Вторая связана с проблемой исследования такого рода предметностей, для понимания которых необходимо преодоление пространственной и временной ограниченности конкретного наблюдателя, индивидуальной особенности его языковых выражений. Эта проблема в своем разрешении также была связана с языком, поскольку предполагала создание универсального словаря науки, словаря, который должен составлять и использовать ученый, термины которого будут понятны любому человеку, несмотря на ограниченность его пространственного и временного существования и будут служить преодолению «слишком человеческого» в языке ученых.

Третий идеал научной объективности (структурной) также отвечает основной идее о негативной связи объективности

и субъективности. Здесь объектом критики и преодоления выступает не субъект волеизъявления, но субъект частный, со своим экспериментальным миром. Если метафора механической объективности — самоограничение, то структурной — самоотречение: отбросить все собственные ощущения, причуды индивидуальной физиологии, лингвистические особенности, культурные предпочтения как тот момент субъективности, который вредит познанию ради актуализации *формальных структур мышления*, «общих всем разумным существам» (Daston, Galison 2007: 257, 259). Логика и математика — орудия и сферы действия структурной научной объективности.

Итак, самодисциплина, обнаруживающаяся во всех видах объективности, имеет целью избавить научное исследование, его предметность от субъективности, в чем бы она себя не обнаруживала, и тем самым утвердить идеал научного субъекта. Причем этот идеал, будучи противопоставлен идеалу художника, окажется не ниже по чистоте и достоинству, связанному не в последнюю очередь со сложностью его достижения. Объективность, определяющая этот идеал и стремление к нему — страстное влечение к бесстрастности, заинтересованный поиск незаинтересованной точки зрения, личностное попытка достичь безличностной позиции.

Посмотрим, как научная объективность, понятая как добродетель и определяемая негативным образом через практики преодоления субъективности, соотносится с объективностью, которая в качестве характеристики научных суждений определяет их как всеобщие и необходимые. Второе определение, очевидно, отсылает к кантовскому трансцендентализму и последующей традиции обоснования науки в неокантианстве.

Необходимо сразу отметить, что творчество Канта воплощает дух той эпохи, когда понятие объективности, по выражению Л. Дэстон, было «вытащено из забвения и запущенно в оборот» (Дэстон 2007: 47). Именно в XIX в. ученые начинают употреблять понятие объективности, определяя значение собственной деятельности.

Для Канта понятие объективности находится в самом средоточии проблематики теоретической философии. Может

показаться, что кантовское понятие объективности, определяя научный характер суждений, обосновывая тем самым науку в трансцендентальном смысле, с трудом может быть связано с понятием объективности как добродетели ученых. Однако это не так. Кантовское понятие объективности, раскрытое в своей *неоднозначности*, является тем, что входит в качестве необходимого элемента в трансцендентальное обоснование *проблематичной свободы познающего субъекта*, которая связана непосредственно с опытом преодоления субъективности.

В самом общем виде кантовское *объективное* должно быть противопоставлено *субъективному*. Связь представлений имеет характер объективности, всеобщности, поскольку в ней преодолевается субъективность индивидуального восприятия; объективным является то суждение, содержание которого объективировано, т. е. *одновременно* и принадлежит самому объекту, и разделяется любым разумным существом (Кант 1993: В140, 142). Именно благодаря всеобщим априорным формам мышления всякое разумное существо оказывается способным на объективные суждения. Именно *мы*, будучи разумными субъектами, «делаем все сами»: определяем объективный характер суждений, связывая многообразие представлений в отношении объекта, тем самым придавая этой связи статус всеобщей и необходимой. Объективность позитивно связана с (всеобщим) субъектом и противопоставлена (эмпирической) субъективности. То есть она не просто характеризует научные суждения, но включена в активную деятельность познающего субъекта и в первую очередь имеет отношение именно к нему. Через нее раскрывается свобода как автономия познающего субъекта.

Какого рода неоднозначность присутствует в кантовском понятии объективности? В разделе «О мнении, знании и вере» «Критики чистого разума» Кант так определяет характер суждения, принадлежащего знанию: «Если суждение имеет значение для всякого, кто только обладает разумом, то оно имеет объективно достаточное основание, и тогда признание истинности его называется убеждением. Если же оно имеет основание только в частных свойствах субъекта, то оно

называется верованием <...>. Такое суждение имеет только частное значение, и признание истинности его не может быть передано. Между тем истинность основывается на согласии с объектом, в отношении к которому, следовательно, суждения всякого рассудка должны согласовываться между собой. Следовательно, внешним критерием того, имеет ли утверждение характер убеждения или только верования, служит возможность передать его и найти, что признание его истинности имеет значение для всякого человеческого разума» (Кант, 1993: В848–850). Далее Кант различает убежденность и достоверность, причем последнюю гарантирует не согласие в отношении суждений, но согласие с объектом, в отношении которого и должны связываться между собой все суждения. По мнению некоторых исследователей, за этим различием стоит неоднозначность в понимании объективности или неоднозначность определения объекта, в отношении которого связывается многообразие представлений (Meerbot 1972).

Эта неоднозначность оказывается в центре дедукции категорий, где Кант использует понятие «объективного значения» для определения роли категорий как необходимого условия мышления объекта возможного опыта, а также понятие «объективной реальности» для оправдания той роли, которую они играют как необходимые основания опыта, определяемые в своем конкретном применении к многообразию представлений. Различие состоит в том, что если в первом случае речь идет о применении категорий к объектам опыта *вообще*, то во втором — обращается внимание на *специфический человеческий опыт*, осуществление которого предполагает использование определенных форм чувственности — пространства и времени.

Понятие «объективной реальности» также трактуется неоднозначно. С одной стороны, его можно связывать с *содержанием* объекта возможного опыта, а сам объект понимать как «интенциональный»; с другой стороны, соотносить с *референтом* представления и трактовать сам объект возможного опыта как «реальный» (Bunch 2010: 77). В любом случае в понятии «объективной реальности» подчеркивается значение чувственности в познании; рецептивности, а не только

спонтанности познающего субъекта. Рецептивность отсылает не только к субъекту, но и к вещам самим по себе, которые оказываются необходимыми участниками опыта. В спонтанности или самодеятельности рассудка субъект является тем, что определяет возможность опыта; в рецептивности или пассивности — тем, что отчасти определяется им. Не ограничивает ли это «усложненное» понятие объективности автономию познающего субъекта?

С одной стороны, активно действующий субъект служит основанием объективности своих знаний, условием объективации, поскольку в своей самодеятельности определяет единство объекта познания, коррелятивное единству самознания, *преодолевая* в этом единстве собственную субъективность, т. е. многообразие случайных и хаотичных чувственных представлений. С другой стороны, в качестве мотива этой деятельности присутствует вопрос, обладающий «характером необходимости», вопрос о предмете, «соответствующем познанию и также отличающемся от него», вопрос о том нечто, которое является предметом, «независимым от чувственности» (Кант 1993: A105, 252). На данный вопрос наталкивает субъекта понимание данности вещи в многообразных способах восприятия, присутствия ее в познании только как явления. Этот вопрос, в котором *преодолевается* иллюзия самомнения познающего, необходимо должен сопровождать познание, поскольку он делает его неисчерпаемым, несмотря на утверждение творческой мощи человека, напоминая о том, что вещь сама по себе никогда не дана (Чернов 1993:103).

То есть в полном понятии объективности присутствует необходимое и проблематичным взаимодействием рецептивности и спонтанности познающего субъекта. Это взаимодействие является выражением *противоречивого характера человеческой свободы*, которая и в сфере познания утверждает себя перед лицом недостижимого Другого (вещи самой по себе) и которая обнаруживает себя в опыте *преодоления субъективности* в двух указанных выше смыслах.

Итак, именно то, что объективность у Канта определяется через проблематичную свободу человека и создает условия

для понимания ее не только как необходимого элемента, характеризующего познавательную ситуацию, но и как добродетели и ценности ученых, стремящихся к ней. Это стремление осуществляется без всяких трансцендентных оснований, гарантирующих возможность правильных способов научного мышления.

Не остаются ли у Канта своего рода имманентные гарантии, которые, определяя научного субъекта как «уже конституированного», предполагают его работу над собой уже произведенной? Объективность, связанная с категориальным синтезом, оставляет подозрение в наличии таких «имманентных гарантий». Объективность знаний определяется как отношение их к предмету, выражением этого отношения является необходимость признания этого знания любым разумным существом. Гарантом такой необходимости выступает всеобщность структур мышления. Нужно ли «конкретному» «живому» субъекту всякий раз действительно что-то самостоятельно делать, достигая объективности знания, или объективность гарантирована всеобщими формами синтеза, которые «не принадлежат конкретному субъекту», «заданы ему»? Достаточно ли деятельности рассудка как полагающего закон проблематичной автономии познающего субъекта? Является ли активность субъекта, служащего основанием объективности, действительно «активностью», а его спонтанность «самодетельной»? Не оказывается ли научное исследование, базирующееся на этих «заданных формах», объективно нормативным, а сама объективность скорее критерием научности, чем научной ценностью и добродетелью?

Смысл объективности как научной ценности и добродетели становится трансцендентально обоснованным тогда, когда к правилу рассудка, правилу самостоятельного мышления, которому подчинено преодоление субъективности, добавляется в качестве дополняющего правило способности суждения, которое само по себе является правилом преодоления субъективности. Это правило широкого мышления, мышления себя на месте другого, именно с помощью которого только и может быть положено *то общее, которое заранее не дано* (Кант 1994: 168–169).

Действие этого правила обнаруживается в том, что человек оказывается «способен выйти за пределы субъективных частных условий <...> и, исходя из общей точки зрения (которую он может определить, только становясь на точку зрения другого), рефлектирует о собственном суждении» (Кант 1994: 167–168). Именно сам опыт *преодоления* субъективности является опытом, а в котором обнаруживает себя субъект как действующий, реальный. Именно в таком опыте и создается необходимая общая точка зрения, которая, правда, имеет «неопределенный», «проблематичный» предмет, но при этом служит необходимым элементом познавательной деятельности. Можно определить подобный способ суждения при помощи понятия «интерсубъективность», а сами суждения — как субъективные, но *претендующие* на то, чтобы считаться *объективными* (Разеев 2010: 202–218). Можно сказать, что в этой претензии реализует себя именно *стремление к объективности* как всеобщности, как ценности, которая никогда не дана окончательно, но может быть только конституируемой в непосредственном опыте взаимодействия.

Мы не можем раз и навсегда узнать тот правильный способ преодоления субъективности, раз и навсегда сформулировать те условия, при которых результаты нашего познания будут обладать значением объективности. В этом случае научный субъект действительно был бы «пассивным», воспроизводящим раз и навсегда установленные нормы. На самом деле именно конкретная работа над собой, работа по преодолению субъективности и тем самым конституированию себя как научного субъекта — работа, за которую человек несет ответственность, потому что она ничем не гарантирована, впервые делает эти условия реальными, а объективность как научную ценность и добродетель возможной.

## Литература

1. Агацци, Э. (2009). Почему у науки есть и этические измерения? *Вопросы философии* 10: 93–104.
2. Аристотель. (1983). «Никомахова этика». В кн.: Аристотель. *Сочинения в 4-х томах*, Т. 4: 53–294. М.: Мысль. 830 с.

3. Дэстон, Л. (2007). «Научная объективность со словами и без слов». В кн.: *Наука и научность в исторической перспективе*, Александров Д., Хагнер (ред.): 37–71. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Алетейя. 330 с.
4. Кант, И. (1993). *Критика чистого разума*. СПб.: ИКА «Тайм-аут». 478 с.
5. Кант, И. (1994). *Критика способности суждения*. М.: Искусство. 376 с.
6. Разеев, Д. Н. (2010). *Телеология Иммануила Канта*. СПб.: Наука. 309 с.
7. Степин, В. С. (2008). «Эволюция этоса науки: от классической к постнеклассической рациональности науки». В кн.: *Этос науки*, Киященко Л. П., Мирская Е. З. (ред.): 21–47. М.: Academia. 544 с.
8. Чернов, С. А. (1993). *Субъект и субстанция. Трансцендентализм в философии науки*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. 260 с.
9. Bunch, A. (2010). «“Objective validity” and “Objective Reality” in Kant’s B-deduction of the Categories». *Kantian Review* 14: 67–92.
10. Daston, L., Galison, P. (2007). *Objectivity*. New York: Zone Books, 2007. 501 p.
11. Daston, L., Galison, P. (1992). “The Image of Objectivity”. *Representation* 40, Special Issue: Seeng Science: 81–128.
12. Harding, S. (1995). «“Strong objectivity”: a Response to the New Objectivity Question». *Synthese* 104: 331–349.
13. Lacey, H. (1999). *Is Science Value-Free?* London: Routledge. 285 p.
14. Longino, H. E. (1990). *Science as Social knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry*. Princeton: Princeton University Press. 262 p.
15. Meerbot, R. (1972). «Kant’s Use of Notions “Objective Reality” and “Objective validity”». *Kant-Studien* 63: 51–58.
16. Proctor, R. (1991). *Value-Free Science? Purity and Power in Modern Knowledge*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 344 p.
17. Roberts, R. C., Wood, W. J. (eds.). (2007). *Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology (Advances in Cognitive Models & Arch)*. New York: Oxford University Press. 339 p.
18. Greco, J., Turri, J. (eds.). (2012). *Virtue Epistemology: Contemporary Readings (MIT Readers in Contemporary Philosophy)*. London, Cambridge Mass. 426 p.

## References

1. Agacci, Je. (2009). “Pochemu u nauki est’ i jetcheskie izmerenija?” [Why Science Has Ethical Dimension]. *Voprosy filosofii — Questions of philosophy* 10: 93–104.

2. Aristotel. (1983) "Nikomahova jetika" [Nicomachean Ethics] in Sochinienia v 4-h tomah, T. 4. [Selecter Works in 4 volumes, vol. 4]: 53–294. Moscow: Mysl Publ. 830 p.
3. Bunch, A. (2010). "«Objective validity» and «Objective Reality» in Kant's B-deduction of the Categories". *Kantian Review* 14: 67–92.
4. Chernov, S.A. (1993). *Sub'ekt i substancija. Transcendentalizm v filosofii nauki*. [Subject and Substance. Transcendentalism in the Philosophy of Science]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 260 p.
5. Daston, L., Galison, P. (1992). "The Image of Objectivity". *Representation* 40, Special Issue: Seeng Science: 81–128.
6. Daston, L., Galison, P. (2007). *Objectivity*. New York: Zone Books, 2007. 501 p.
7. Djeston, L. (2007). "Nauchnaja ob'ektivnost' so slovami i bez slov" [Scientific objectivity with and without words], in: D. Aleksandrov, M. Hagner (eds.), *Nauka i nauchnost' v istoricheskoj perspective* [Science and Scientific in Historical Perspective]: 37–71. Saint Petersburg: European University in St. Petersburg; Aletheia Publ. 330 p.
8. Greco, J., Turri, J. (eds.). (2012). *Virtue Epistemology: Contemporary Readings (MIT Readers in Contemporary Philosophy)*. London, Cambridge Mass. 426 p.
9. Harding, S. (1995). "«Strong objectivity»: a Response to the New Objectivity Question". *Synthese* 104: 331–349.
10. Kant, I. (1993). *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Saint Petersburg: Time out Publ. 478 p.
11. Kant, I. (1994). *Kritika sposobnosti suzhdenija* [Critique of Judgment]. Moscow: Iskusstvo Publ. 376 p.
12. Lacey, H. (1999). *Is Science Value-Free?* London: Routledge. 285 p.
13. Longino, H. E. (1990). *Science as Social knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry*. Princeton: Princeton University Press. 262 p.
14. Meerbot, R. (1972). "Kant's Use of Notions «Objective Reality» and «Objective validity»". *Kant-Studien* 63: 51–58.
15. Proctor, R. (1991). *Value-Free Science? Purity and Power in Modern Knowledge*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 344 p.
16. Razeev, D. N. (2010). *Teleologija Immanuila Kanta* [Teleology of Immanuel Kant]. Saint Petersburg: Nauka Publ. 309 p.
17. Roberts, R. C., Wood, W. J. (eds.). (2007). *Intellectual Virtues: An Essay in Regulative Epistemology (Advances in Cognitive Models & Arch)*. New York: Oxford University Press. 339 p.
18. Stepin, V. S. (2008) "Jevoljucija jetosa nauki: ot klassicheskoj k postneklassicheskoj racional'nosti nauki" [Evolution of the Ethos of Science: from Classical to Postnonclassical Rationality of Science] ,in: L. P. Kijashhenko, E. Z. Mirskaja (eds.), *Jetos nauki* [The Ethos of Science]: 21–47. Moscow: Academia Publ. 544 p.